
Леонов В. П.

О мастерстве библиографа

Директор Библиотеки Российской академии наук, доктор педагогических наук В. П. Леонов делится мыслями о библиографии как одной из важнейших сфер библиотечной деятельности, о сложном процессе становления личности библиографа, о библиографической интерпретации текстов как особом виде мастерства библиографа.

В библиографии можно найти всё: и вызов, и дерзание приключения, и вдохновение искусства. Легко представить себе, насколько скучным было бы занятие ею, если бы эти стимулы утратили свое значение.

Чтобы очертить примерный *«горизонт ожиданий»* (выражение К. Поппера) рассматриваемых проблем, сформулирую некоторые исходные предположения или гипотезы.

1. *Библиография – это то, чем занимается библиограф.* Знать то, что ты не знаешь, очень трудно, почти невозможно. Знание в голове может возникнуть только как личный акт понимания. Только ты один начинаешь понимать, что охватил проблему целиком, только потом происходит выделение ее частей (элементов).

2. *Библиография есть производное от библиографа, а не наоборот.* Помимо профессионального знания, полученного в процессе образования, библиограф работает на основе предчувствий, догадок и прецедентов. Это то, что психологи называют *«живым знанием»* [7]. Значительные находки, «раскопки» почти никогда не бывают чисто логическими, многое зависит и от эстетического критерия. В их решении есть красота.

3. *Библиография – досужее занятие. Ею можно заниматься двадцать четыре часа в сутки.* Становление личности библиографа представляет собой долгий и сложный путь. Этот путь

выражается в постепенном переходе от подражательной деятельности к самостоятельному творчеству. Основу личности составляет душа, духовное начало, стержень, вокруг которого формируется внутренняя (психическая) жизнь библиографа. Личностью он становится, а талант как мера способностей обеспечивает «работу» с текстами, их интерпретацию. Талант библиографа проявляется не сразу, а во времени, в процессе приобретения практического опыта.

4. *В процессе занятий библиографией у библиографа может возникнуть ощущение, что он претендует на обладание профессией, которая ему «не принадлежит».* Библиограф отбирает, комбинирует, но до конца не отдает себе отчета в том, когда именно наступит осмысление фактов. Даже тогда, когда уже найдена последовательность их представления, появляются новые «нити» будущего «ковра». Причем количество найденного материала отнюдь не свидетельствует о его качестве.

5. *Новые идеи в библиографии и книговедении не обязательно должны соответствовать ранее существовавшим.* Но библиографу необходимо показать знание уже существующих, чтобы обосновать свою гипотезу. По этой причине он должен обладать способностью не только интерпретировать, но и создавать свой мир книжных текстов. Чтобы это делать, библиограф обязан знать «устройство» книжного мира, построенного его коллегами. Так приходит признание и оценка каждого библиографического труда.

6. *Творчество библиографа не бывает простым.* В высших своих проявлениях оно уникально при внешне обманчивой легкости и доступности для других. Чтобы отобрать созданное авторами до него, порой очень давно, и разобраться в нем, нужно воспитывать в себе особые моральные качества, составляющие «неписанный кодекс библиографа»: результаты библиографического поиска, в том числе отрицательные, должны быть документально подтверждены достоверными библиографическими источниками; в свою очередь, достоверность библиографического источника определяется тем, что все включенные в него документы были просмотрены библиографом-составителем *de visu*; отказ

службы каталогов и запрос пользователя не принимается библиографом на веру, а подлежит обязательной перепроверке и др.

7. *Мир книжного знания парадоксален: он открывает библиографу то, что уже открыто другими.* Другой (другие) – это зеркало, в которое смотрюсь я сам и в котором видят меня; зеркало, которое меня обнажает и разоблачает.

Центральной проблемой библиографии является *поисковая* проблема (еще одно предположение в «горизонте ожиданий»). Поиск определяет логику и стиль библиографического мышления на конкретном этапе развития библиографии, а также критерии интерпретации исходных текстов. Первое возникшее в сознании представление, образ – это уже интерпретация всей темы. Как отмечает В. П. Зинченко, психологи-исследователи *«сталкиваются со случаями, когда смысл извлекается из ситуации не только до кропотливого анализа значений, но даже и до сколько-нибудь отчетливого ее восприятия»*. По его словам, происходит то, что О. Э. Мандельштам обозначил как *«шепот раньше губ»* [8, с. 24].

Библиографическая интерпретация представляет собой особый вид мастерства. Это – профессиональное реагирование на информацию, в котором отражается психологическая особенность сознания библиографа. Пониманию информации в тексте способствует диалог с ним. Вступая в диалог с текстом, библиограф порождает новую его интерпретацию и, соответственно, расширяет горизонт своего «живого знания». Немецкий философ Ганс Гадамер (1900–2002) сформулировал это предельно кратко и емко: *«Само понимание есть самопонимание в чем-то»* [3, с. 227].

Профессиональная черта памяти библиографа – это *активность сознания*. Она проявляется в самом начале работы, входит в его сознание, но в процессе поиска реализуется по-разному. Активность проявляется в умении правильно читать и понимать тексты, в умении интерпретировать их, обращать внимание на авторские комментарии, примечания, дополнения, стиль и характер представления материала*. Каждый подлежащий библиографическо-

* О том, как это важно, читаем у К. Поппера: «Человек, который читает книгу с пониманием – редкое создание» [13, с. 117].

му анализу текст требует индивидуальной интерпретации, но только в границах определенного книжного пространства. И в каждом новом тексте последовательность интерпретации меняется. Ведь тексты неосязаемы. Это не символы, это знаки, образующие определенный смысл. Каждый раз все начинается сначала. Так проявляется *интерпретационная техника библиографа*.

Что имеется в виду? Весь человек. Мы учимся технике овладения профессией всю жизнь, мы не можем приобрести ее заранее. Библиограф формируется со способностью приобретать технику. Ведь техника – это не наука, которую можно преподавать, не теория. Техника – это компонент творчества, и потому она каждый раз проявляется по-новому. В моем понимании, опытный библиограф конструирует собственную неповторимую технику. Техническое мастерство должно относиться к чему-то, и оно должно быть чем-то. А поскольку техническое мастерство можно распознать, в нем проявляется *талант*. Техника библиографа обусловлена природой его работы: быть известной коллегам и каждый раз проявляться по-новому.

Теперь подробнее о слагаемых мастерства интерпретации текстов. Библиографическая интерпретация, как уже отмечалось, не является чем-то неизменным. Она формируется в зависимости от исторического времени, от уровня знания, достигнутого при изучении книжной культуры, от целевого (*зачем?*) и читательского (*для кого?*) назначения предполагаемого результата исследования. Если обратиться к истории, то в самом общем виде я бы выделил четыре этапа профессиональной библиографической интерпретации [9, с. 35–39; 10].

Первый этап – *романтическая интерпретация*, к сожалению, оставшаяся в прошлом. Она требовала «совершенного» анализа текста, скорее вдохновенного, чем строгого и точного. Свобода действий библиографа была главной чертой, где проявлялось мастерство интерпретации. Вдохновение предполагало раскрытие внутреннего мира книжника (какой он, что его волновало?). На этом этапе проявлялась романтичность: через красоту книги попытаться представить внутренний мир того, кто ее анализирует.

Второй этап – *реалистическая интерпретация*. На нем преобладают *научные цели*: отразить и интерпретировать научное знание. Реалистическая интерпретация как бы устраняет личность библиографа, он в тени.

Отношение к библиографическому труду в российском обществе всегда было неоднозначным.

А. С. Пушкин, немало сделавший для развития библиографии, в журнале *«Современник»*, высоко оценивал подвижнический труд библиографов. О двухтомном указателе *«Ключ к Истории Государства Российского Карамзина»*, составленном П. М. Строевым, он писал: *«Издав сии два тома, г-н Строев оказал более пользы русской истории, нежели все наши историки с высокими взглядами...»* (Отзыв А. С. Пушкина без подписи опубликован в *«Современнике»*: см. журн. за 1836 г., т. IV).

Русский историк и дипломат, один из первых теоретиков библиографии К. М. Базили (1809–1884), оценивая роль библиографии в обществе, писал: *«Хотя она (библиография) нередко была предметом насмешек и колкостей, и многие почитают ее плодом чтения и изучения одних заглавных листов, однако ж она оказывает науке величайшие услуги и должна служить светильником ученому в хаосе непрерывно умножающегося числа книг»* [2].

Н. А. Добролюбов (1836–1861) называл библиографию *«мозольным трудом»*, библиографов – переписчиками, а библиографические знания сравнивал с запоминанием улиц почтальоном [5, с. 29–100]. Он имел в виду тех библиографов, для которых их занятия сводились к механической регистрации книг, а библиографические знания ограничивались технологическими навыками. С большим сарказмом Н. А. Добролюбов отзывался об *«ученых»* библиографах, *«ради своей науки отрешившихся от всяких общественных, нравственных, литературных и иных интересов...»*. Но даже ирония автора не препятствует невольному чувству зависти при мысли о том, насколько, должно быть, увлекательна библиография, если *«библиограф..., принимаясь за свой труд, отрекается от всего житейского; для него исчезает пространство и время, звания, полы, возрасты, все различия предметов; он носится в*

библиографических сферах, видя перед собой только буквы, страницы, опечатки, оглавления, не различая ничего более» [4, с. 693–695].

С благодарностью вспоминал свои занятия библиографией Д. И. Писарев (1840–1868): *«Библиография насильно вытащила меня из закупоренной кельи на свежий воздух» [6, с. 3].*

После XIX вернемся в конец XX века, в год 1989-й. Газета *«Невское время»* целую страницу (1989. № 1, декабрь. С. 3) посвятила письмам академику, народному депутату СССР Д. С. Лихачеву. Среди писем есть и послание от библиотекарей: *«...Хотелось бы остановиться на одном конкретном аспекте: труд библиотекаря, его охрана, его оплата. Один умный человек сказал, что труд библиотекаря – это айсберг. То есть на виду у читателей и начальства – не более одной трети, а две трети работы скрыты в глубинах тесных, пыльных, темных, безвоздушных библиотечных помещений. Видимо, поэтому и оплата труда производится на одну треть...»*

Библиотекари – люди сознательные и деликатные. Мы уже много лет с пониманием относимся к тому, что повышение нашей зарплаты откладывается, как нам объясняли, по причинам объективным: засухи, наводнения и другие катаклизмы в стране. Мы понимаем, что сейчас существуют первоочередные неотложные проблемы: положение инвалидов, детей-сирот, пенсионеров, а также всех тех наших советских людей, ставших жертвами катастроф и стихийных бедствий. Они – первая забота нашего государства. И все-таки в конце этой печальной очереди, требующей безотлагательного улучшения положения, поставьте библиотекарей».

Пользователь «забывает» о библиографе, полагая, что тот свое дело сделал – поиск завершен, остальное – за специалистом. Другими словами, библиограф на этом этапе только эксперт, объясняющий следствия поиска информации, его работу оценивают другие. Так постепенно происходит разделение труда, при котором библиография приобретает прочный статус «обслуживающей» дисциплины. Меняется и внутренний мир библиографа,

поскольку оценка результатов его деятельности остается за пользователями, а признание и авторитет он получает теперь только от коллег по профессии.

Третий этап – *прагматический*. Прагматическая интерпретация формируется в период, когда в обществе и в библиографии, в частности, начинают преобладать *информационные критерии* над научными. Снова меняется расстановка приоритетов. На повестку дня выдвигается лозунг о переходе к информационному обществу, построенному на накоплении и использовании знаний [16]. В профессии и психологии библиографа начинают происходить существенные изменения. Вместо общепринятых критериев оценки труда (новизна, ценность, доступность информации) в практику постепенно внедряется критерий «норма полезности». Полезность является не научной, а прагматической категорией. Информация с точки зрения полезности всегда рассматривается в связи с тем, в каких целях ее рассчитывают использовать. В итоге ожидаемые и предполагаемые результаты умений библиографа начинают использоваться с коммерческой точки зрения. Библиография попадает в зависимость от людей, напрямую не связанных с наукой, в общество, где чтение теряет свой приоритет, где превалируют иные этические нормы и ценности. Библиограф вынужден постоянно доказывать свою культурную и научную значимость. Действия профессионала становятся трудноуправляемыми. Возникает опасная иллюзия информационного общества и прагматичного этапа в целом – иллюзия независимости пользователя от библиографа и, как следствие, не востребованости профессии. Что же дальше?

Дальнейшее развитие видится в переходе к четвертому этапу – от информационного к *интеллектуальному* обществу. «*Интеллект*, – по определению А. П. Назаретяна, – *представляет собой системное качество не Земли, а Метагалактики*» [12, с. 197]. Судя по тому, что опубликовано в литературе, переход от информационного к интеллектуальному обществу видится следующим образом:

«Демографический переход прекращает количественный рост

населения и стабилизирует демографическую ситуацию, но останавливает идущих в обществе процессов качественной эволюции, в том числе расслоения по интеллектуальному уровню. Это наиболее труднопреодолимое различие в человеческой природе и источник постоянного и прогрессирующего неравенства в обществе... Подсистемы с разным интеллектуальным уровнем начнут эволюционировать по разным траекториям. При общем росте интеллектуального уровня общества расслоение по этому признаку может прогрессивно нарастать так, как это сейчас происходит с материальным уровнем. Поскольку развитие интеллекта становится одним из главных векторов эволюции, есть вероятность отбора по этому признаку. Тяга к познанию и способность к творчеству могут стать определяющими факторами индивидуального и общественного развития.

Человечество вступило в завершающую фазу начатого нашими далекими предками перехода от природы к культуре. Цивилизация выросла из природы, она ее порождение. Но окончательный разрыв, тяжелый и мучительный, с ошибками и потерями, видимо, неизбежен. Может быть, именно в этом разрыве с природой и состоит эволюционная миссия человечества, разрыве, который положит начало развитию цивилизации уже не как планетарному, а как *к о с м и ч е с к о м у ф а к т о р у*» (разрядка моя. – В. Л.) [1, с. 327–328; см. также: 11].

Как же будет выглядеть интеллектуальное общество на «*космическом*» этапе? Я еще не знаю такой картины. Х. Ортега-и-Гассет (1883–1955) не смог в своем эссе о вине нарисовать образ из четырех картин [13; см. также: 15]. В его распоряжении их было только три. Третья рассматривается мною как преддверие информационного общества [9, с. 41–43].

Я пытаюсь сегодня космический этап представить не визуально, а музыкальными средствами, через мелодию *Besame mucho*. Вот почему ее название и в заглавии моей новой книги. Когда наступит мгновение, момент единения Человека и Вселенной, книжник в интеллектуальном обществе пожнет всю Вселенную. Удастся ли в таких условиях сохранить и индивидуальность библиографа

(которая нивелируется в информационном обществе), и самобытность (например, романтического этапа, где была востребованность профессии)? Каковы могут быть возможные последствия такого компромисса?

В интеллектуальном обществе человек и книга предстают как космические субъекты. Какова же цель интерпретации в интеллектуальном обществе (или на космическом этапе), как будут меняться требования к профессии библиографа? Полагаю, путем соединения того, что я называю «раскопками» и «реставрацией» [9, с. 120]. Причем приоритет будет у «раскопок», поскольку главная цель останется прежней: найти тексты, где «это» уже кем-то открыто и обосновано. А осуществить подобное можно только путем объединения традиционных и электронных информационно-поисковых систем.

По составу носителей информации и способам ее передачи можно выделить три типа библиотек:

1. *традиционная библиотека (Library 1.0)*, имеющая книжный фонд, карточный каталог и обслуживающая пользователей в читальных залах и на абонементе;

2. *автоматизированная библиотека (Library 2.0)*, в которой имеются электронный каталог и другие компьютерные базы данных, сочетающиеся с книжным фондом и преобладающим обслуживанием в стенах конкретной библиотеки;

3. *электронная библиотека – ЭБ (Library 3.0)*, документные ресурсы которой и система обслуживания основаны преимущественно на компьютерных технологиях. В сущности электронная библиотека – это **библиотека-автомат**.

Сегодня реально говорить о постепенном переходе от *Library 1.0* к *Library 2.0*, т. е. от традиционной к автоматизированной библиотеке РАН.

Какие здесь возникают проблемы и каковы возможные пути их решения?

1. Проблемы организационного характера

1.1. В стране нужен Межведомственный библиотечный совет, объединяющий представителей библиотек разных мини-

стерств и ведомств. Он выполняет координационную функцию. Для контроля за работой по переходу к автоматизированной библиотеке в РАН необходим *коллективный администратор*. Коллективный администратор сети совместно с группами экспертов от каждого элемента сети решает, какая часть фондов сетевых библиотек представляет общий интерес для всех участников сети, и с нее (общей части) по согласованному графику и в соответствии со своими финансовыми и материально-техническими возможностями начинает эту работу. При этом каждый участник сети имеет возможность какую-то часть фонда (желательно не больше 50 % от его размеров) объявить *раритетным*, т. е. обязательно хранимым в традиционном виде, в общий фонд сети не входящий, и находящийся в его полной собственности. Делиться своей собственностью с другими участниками сети он не обязан, хотя и может по каким-то специальным условиям. Иметь раритетный фонд на CD хотя и желательно, но этот вопрос полностью находится в компетенции руководства сетевой библиотеки.

1.2. Создание автоматизированной библиотечной сети РАН, связанной между собой как традиционными каналами связи, например, МБА, так и электронными средствами (почта, CD), обеспечивающими возможную рассылку обязательного экземпляра (ОЭ) и его тиражирование.

1.3. Решение юридических проблем. Введение в практику рассылки ОЭ на бумажных и электронных носителях зависит не столько от библиотек, сколько от издателей. Действующее законодательство по авторскому праву не допускает копирование текста книги «в полном объеме». Возможно только фрагментарное копирование, при условии, что текст документа не будет использован в коммерческих целях.

1.4. Хранение фондов. Каждая крупная академическая библиотека самостоятельно решает вопрос о том, какое количество фонда хранится в традиционном, а какое – в электронном виде. Сосредоточение документов на бумажных носителях в одном месте опасно (вспомним трагическую историю великой Александрийской библиотеки!). Что же касается документов на CD, то они

вначале хранятся с традиционными документами. Это облегчает доступ читателей к ним, сокращается время на доставку литературы из отделов хранения в читальные залы, расширяется сфера услуг (распечатка текстов, их копирование). То есть на первом этапе автоматизированной библиотеки обслуживание читателей можно представить как совокупность читального зала, компьютерного и открытого доступа. На последующих этапах соотношение документов и читательских мест будет изменяться.

1.5. Кадровое обеспечение и повышение квалификации. Prestиж библиотечной профессии сейчас как никогда низок. Конкурса на библиотечные специальности в ВУЗах нет. Изменение ситуации – забота государства. Может случиться так, что в автоматизированных библиотеках работать будет некому. Наши кадры стареют, а новых нет. Прежде всего необходимо значительно повысить заработную плату.

II. Технологические проблемы

2.1. Действующие электронные каталоги библиотек РФ в настоящее время базируются на зарубежных и отечественных программных разработках. Так, на зарубежных программах работают: Российская государственная библиотека (израильская программа «Алеф»), Государственная публичная историческая библиотека (французская программа *Liber*). Среди отечественных библиотечных программ – «Ирбис» (Государственной публичной научно-технической библиотеки), «MARC-SQL» (НПО «Информ-Система»), «Руслан» (Санкт-Петербургского Государственного технического университета), «А-Элита» (ЗАО «Гипер»). Для осуществления проекта необходима единая программа каталогизации.

2.2. Текст документа на электронном носителе, представленный в виде «картинки» (формат PDF), ограничивает возможности работы с ним – для этого требуется программное обеспечение. Так как в настоящее время библиотеки используют различные программы, принципиальное значение имеют унификация, стандартизация, «стыкуемость», интегративность, адаптивность систем.

2.3. Оптические диски – всего лишь один из компонентов ресурсной базы информационного обслуживания с применением средств компьютерной техники и электронных технологий. Использование библиотеками сетевых доступов имеет очевидные преимущества перед использованием оптических дисков. Любой «универсальный» формат дисков с течением времени (и довольно быстро!) морально устаревает, поэтому электронные документы, хранящиеся на дисках, требуют постоянного обновления.

III. Автоматизация библиотечно-библиографических процессов

Научная библиотека представляет собой комплекс взаимосвязанных функций – комплектование, работа с фондами (расстановка, поиск запрашиваемой читателями литературы, ее транспортировка и обратная расстановка в хранилищах), работа с читательскими требованиями по каталогу и базам данных, работа со справочно-библиографическим аппаратом библиотеки. К тому же надо учесть, что библиотека является и коллективом людей, которыми надо управлять, выдавать зарплату, вести штатное расписание сотрудников и прочее. Поэтому поле для автоматизации разнообразных процессов в современных библиотеках хотя и не бесконечное, но весьма обширное, прежде всего, разнообразное по типам функций. Широкие разработки и распространение в последние десятилетия самых различных автоматизированных систем, начиная от простейших (сортировка по различным признакам), и кончая более сложными системами (например, поиска по ключевым словам с использованием тезауруса, систем реферирования и экстрагирования), а также систем высокого уровня – фактографических (например, систем управления различными коллективами), позволяет многие технические и управленческие задачи автоматизировать уже сейчас.

Проблемы более высокого уровня, связанные с *интеллектуальными* аспектами библиографической деятельности по созданию разнообразной вторичной информации, помогающей читателям ориентироваться в сложном мире произведений печати (разного рода справочников, указателей, каталогов, рефератов и т. д. и

т. п.) требуют серьезной научно-исследовательской проработки. Развитие новых информационных технологий делает настоящей задачей воссоздания проектов и экспериментальных разработок, проводимых в нашей стране в 80–90-х годах прошлого века, в частности, совместными усилиями коллектива кафедры информатики Ленинградского государственного института культуры и московского института Информэлектро (ВНИИ Информэлектро).

На наш взгляд, целесообразно в первую очередь продолжить работы по экстрагированию с помощью словаря маркеров и автоматизации составления указателей на основе оглавлений и издательских аннотаций.

Библиотечная система РАН должна быть важнейшей составляющей библиотечной системы страны как в методическом плане (достижения академической библиотечной науки должны популяризироваться и распространяться на другие научные библиотеки так и в плане узловых точек, представляющих научную информацию не только сотрудникам РАН, но и всем желающим (возможно, на коммерческой основе).

Для решения проблем, накопившихся в библиотеках РАН, необходимо принять целевую программу Президиума «Развитие академических библиотек» с выделением серьезного финансирования. Первой задачей этой программы должен быть мониторинг состояния академических библиотек (аналогичные шаги предлагаются для решения проблем развития библиотек в стране в целом).

Литература

1. Арутюнов В. С. Ступени эволюции : эволюц. концепция природы и цивилизации [Текст] / В. С. Арутюнов, Л. Н. Стрекова. – М. : Наука, 2006. – 347 с. – (Серия «Науч.-попул. лит.» / РАН).

2. Вишневский В. О задачах советской фильмографии [Текст] : [докл. 1947 г.] / В. Вишневский ; публикатор А. Дерябин // Книговедческие записки. – 2000. – № 48. – С. 348–375.

3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод : основы философской герменевтики [Текст] : пер. с нем. / Г.-Г. Гадамер ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 699, [1] с.

4. Добролюбов Н. А. Первое полное собрание сочинений [Текст] : в 4-х ч. т. 2. 1858–1859 / Н. А. Добролюбов. – СПб., 1911. – 1034 стб.
5. Добролюбов Н. А. Собеседник любителей русского слова / Н. А. Добролюбов // Полн. собр. соч. : в 6-ти т. – [М. ; Л.] : ГИХЛ, 1934. – Т.1 : Литературная критика : статьи и рецензии 1856–1858 г. – С. 29–101.
6. Здобнов Н. В. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века [Текст]. Т. 1. XI век – первая половина XIX в. / Н. В. Здобнов. – М., 1944. – 208 с.
7. Зинченко В. П. Знание живое [Текст] / В. П. Зинченко // Большой психологический словарь. – СПб. ; М., 2003. – С. 177–178
8. Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания [Текст] / В. П. Зинченко // Вопр. психологии. – 1991. – № 2. – С. 15–36.
9. Леонов В. П. Библиография как профессия [Текст] / В. П. Леонов. – М. : Наука, 2005. – 124 с. – (Книжная культура в мировом социуме: теория, история, практика / РАН, Науч. совет «История мировой культуры», Комис. по истории кн. культуры и комплекс. изучению кн. [и др.]).
10. Леонов В. П. Библиографическая трансформация знания [Текст] / В. П. Леонов // Библиография. – 2005. – № 1. – С. 68–77.
11. Мапельман В. М. Идея космической перспективы развития человечества в русской философской традиции: становление и современное состояние [Текст] / В. М. Мапельман. – М. : МИСиС, 2005. – 287 с.
12. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: (синергетика, психология и футурология) [Текст] / А. П. Назаретян. – М. : Рег 8е, 2000. – 239 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. Три картины о вине [Текст] // Эстетика. Философия культуры. – М., 1991. – С. 82–93.
14. Поппер К. Р. Объективное знание: эволюц. подход [Текст] / К. Р. Поппер ; пер. с англ. Д. Г. Лахути ; отв. ред. В. Н. Садовский. – М. : УРСС, 2002. – 381 с.
15. Соколов Э. В. Ортега-и-Гассет. Век элитного искусства и массового общества [Текст] / Э. В. Соколов // Человек. – 2002. – № 6. – С. 83–85.
16. Уэбстер Ф. Теории информационного общества [Текст] / Ф. Уэбстер ; пер. с англ.: М. В. Арапов, Н. В. Мальхина ; под ред. Е. Л. Варгановой. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 398, [1] с.